

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Хелен Берд
ТАЙНЫ НОВОГО ОРЛЕАНА

Лина Шир
ПРИЗРАЧНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Хелен Берд
ШЕЛЕСТ КУКУРУЗЫ

Виктор Грант
ДОМ ЭЛЬМИРЫ

ВИКТОР ГРАНТ

ДОМ
ЭЛЬМИРЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г77

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Художественное оформление — *В. Давлетбаева*

Грант, Виктор.

Г77 Дом Эльмиры: [роман] / Виктор Грант. — Москва :
Издательство АСТ, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-17-187086-7

Виктор Левандер, психотерапевт с необычной репутацией, приезжает к морю отдохнуть от рутины и побыть в одиночестве. Он поселяется в доме недавно умершей женщины, умной, холодной, раздражающей и, как выясняется, слишком живой, чтобы так просто исчезнуть. Днём Виктор втягивается в странное расследование, а ночью — в разговоры, которые постепенно подтачивают его собственную уверенность в том, кто здесь на самом деле наблюдатель.

Это история не столько о смерти, сколько о людях, которые не умеют быть живыми, о власти, зависимости и о том, как легко перепутать контроль с любовью.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Глава 1

НЕ НАЧАЛО

Я довольно быстро проникся отвращением к миру — и ко всему, что в нем есть.

Эдгар Аллан По, «Уильям Уилсон»

Равель за окном кабинета кипел, как обычно в разгар рабочего дня: шелест десятков шин, звуки машинных сигналов, голоса прямо под окном — все это сливалось в плотный липкий шум, накладывалось на жар летнего дня и... зудящее раздражение на весь мир. Виктор откинулся в своем кресле и закрыл глаза: «Господи, как же мне дожить до конца приема?» Глаза слипались от усталости, крепкий кофе с коньяком, который он так любил, давно перестал помогать, а через полчаса придет следующий клиент. Надо будет снова его слушать, спрашивать, отвечать и, не дай бог, выдерживать его злость, требовательность, грусть...

Виктор протянул руку к столу и пошелестел страницами ежедневника. Следующей сегодня была записана Сельма Норвен — жалкая истеричка уже почти преклонного возраста, сексуально озабоченная, при всей своей катастрофической непривлекательности, вечно ноющая и вечно атакующая. «Только не

она...» — подумал Виктор. Нет, он не боялся, что окончательно развалится и станет страдать от ее присутствия, скорее, он опасался, и небезосновательно, что сорвется и расскажет ей во всех красках все, что о ней думает и куда ей со всем этим стоит пойти. Он чувствовал: однажды это все-таки может произойти.

В работе он придерживался принципа дистанции и холодности. Будучи в чем-то провокативным, в чем-то — предельно честным, он славился среди коллег и клиентов как психотерапевт, у которого будет больно, но эффективно. Это нисколько не отпугивало, а напротив — притягивало к нему клиентов, расписание было заполнено сверх меры. Он осознавал, что работает на износ, и еще недавно даже бравировал своим плотным графиком перед коллегами, но сейчас ощущал: нет, это вовсе не повод для гордости. Это путь саморазрушения.

«Зачем я разрушаю себя?» — в который раз задавал он себе вопрос. Конечно, как профессионал он понимал, что это неслучайно, какое-то бессознательное стремление убивать себя и свою жизнь с помощью работы. Даже самую психотерапию, деятельность, помогающую людям, он превратил в сеансы хирургии без наркоза, что уж говорить обо всей его остальной жизни?

Коллеги не любили его, но, безусловно, отдавали должное. О Викторе Левандере ходили слухи как о совершенно бессердечном обладателе острого, как скальпель, ума, виртуозно владеющего стремитель-

ными и точными, как удар меча самурая, интерпретациями. Он мастерски ходил по лезвию, ни разу не оступившись, поэтому, несмотря на достаточно опасную технику, жалоб на него в этическую комиссию не поступало ни разу. Клиенты относились к нему со страхом и восторгом, коллеги сторонились, но постоянно рекомендовали его как одного из лучших.

Все годы, что он сидел в удобном кресле психотерапевта, возвышавшемся над низеньким диванчиком для пациентов, он наслаждался своим мастерством, властью и уважением. Только в последнее время (год? полгода?) стал замечать: что-то идет не так. Ну да, первые признаки он обнаружил прошлой зимой, точнее даже поздней осенью, когда его психотерапевт Ирина Мерель неожиданно пропала. После ее возвращения они долго обсуждали первые росточки тревоги, которые постепенно перерастали в упругие стебли усталости и плохого настроения и к лету стали негибкими стволами явного профессионального выгорания. Проклиная Элизабет Кюблер-Росс, Виктор вынужден был отметить у себя все канонические стадии: отрицание, злость, торг — и вуаля, он вполне может констатировать депрессию. Даже с телесными симптомами: головная боль — раз, бессонница — два, отсутствие аппетита — три, проблемы со зрением — четыре, еще надо? Достаточно...

«Больно, но эффективно, да? — иронически спросил себя Виктор, — хорошо, тебе уже больно, и ты эффективно дотацил себя до полной невозможности

ВИКТОР ГРАНТ

работать дальше. Поздравляю. Призом тебе будет, похоже, гранитная плита».

Виктор привык относиться к себе с той же жесткостью, как и ко всем своим клиентам, — обманывать себя было ниже его достоинства, и он с холодной головой препарировал собственную психику. Когда дошел до идеи могилы, то даже не испугался: все четко и понятно, именно так и обстоят дела, теперь нужно что-то с этим делать. Но об этом он подумает позже: в дверь постучали, настало время сеанса.

Сельма Норвен поздоровалась, вошла в кабинет — пятась, стараясь одновременно закрыть за собой дверь. Виктор смотрел с нескрываемым презрением на ее толстую задницу, неуклюжие движения и нелепую попытку быть полезной: «Смотрите, я не заставляю вас вставать!» Однако, когда она обернулась и прошла к дивану, на его лице уже держалось уверенное привычное выражение «мои карты вам неизвестны»: за полужеркальными очками глаза почти не были видны, поза — расслабленная и одновременно строгая, на губах — что-то вроде полуулыбки.

Сельма плюхнулась на диван и с ходу разразилась длиннющей тирадой о мужчинах, которые, вероятно, воспитаны в волчьей стае — иначе как объяснить, что буквально каждый из них норовит сделать ей больно или — что еще хуже — не заметить ее? Вот и он, Виктор Левандер, даже не пошевелился, чтобы

встретить ее в кабинете, а между тем это элементарный этикет.

«Ловко придумала, — оценил Виктор. — Кажется, она прогрессирует в выражении своей злости, уже почти можно засчитать прямую агрессию. Но пока еще слабовато... Попробовать усилить?»

— Вы полагаете, что, говоря это мне, стали для меня привлекательнее?

Сельма вспыхнула: удар попал в нужную точку.

— Я? Даже и не думала об этом! Разве это не обязанность воспитанного мужчины — быть галантным? Вы джентльмен?

— Слово «джентльмен» можно перевести буквально как «мягкий мужчина». Вы пришли сюда, зная меня, в поисках мягкости? Во всех смыслах этого слова, включая фрейдовский? Не очень-то похоже на разумное решение.

Женщина покраснела еще гуще — они уже давно работали, и она прекрасно поняла намек про Фрейда. Разговаривать на тему сексуальности Сельма отказывалась наотрез, но это не значило, что стоит эту тему игнорировать. Таков уж был метод Виктора: никогда не оставлять без внимания слабые места.

— Как же это по-мужски: думать исключительно о собственных причиндалах! Напомните мне, за что я плачу вам кучу денег каждую неделю? Чтобы вы приставали ко мне с грязными намеками?

«Ого! Она быстро собралась. Раньше была размазней, а теперь, глядите-ка, ответ, да еще и почти остро-

ВИКТОР ГРАНТ

умный...» Тут Виктор вдруг осекся. Он неожиданно понял, что не знает, к чему ведут его интервенции. Цель потеряна, а это значит... Что же это значит? Уж не то ли, что он по уши погрузился в садистическое издевательство над пациенткой?

Виктор понятия не имел, как ему выйти из ситуации. Но, разумеется, он не был бы профессионалом, если б у него не было заготовленных вариантов, и он тут же применил излюбленный:

— Я пристаю к вам с сексуальными намеками? Как и прочие мужчины?

«Вот так просто. Зачем я буду думать, пусть она сама думает над тем, что сказала. А мне надо сегодня побольше держать язык за зубами, я явно не в форме».

Сельма предсказуемо смешалась. Конфликт был очевиден: она только что жаловалась на отсутствие мужского внимания, а затем обвинила мужской род в домогательствах. Удастся ли ей разрешить эту дилемму? Вообще-то, решение довольно очевидно: внимание, которое ей на самом деле нужно, вовсе не эротическое, только вот... она истеричка, а значит, вряд ли дойдет до этого своим умом. Но Виктор умел ждать.

Однако Сельма его удивила. Она внезапно глубоко вздохнула, привычно потянулась за салфеткой и ответила:

— Понимаю, о чем вы. Последние лет десять ко мне действительно никто не пристаёт с такими наме-

ками, тут вы правы... Это было раньше, когда я была молодой. Конечно... вы очень грубы, напоминая мне об этом, но я вам благодарна — кто, как не вы? И я действительно не знаю, что мне делать: молодость прошла, привлекательности больше нет — думаете, я этого не понимаю?

Каменное выражение лица Виктора дало трещину — он вдруг почувствовал прилив сильнейшей жалости к этой женщине, еще достаточно молодой, но такой несчастной, покинутой, лишенной единственного доступного ей способа получить внимание. Пару секунд он сидел, не зная, что сделать, но быстро взял себя в руки: нельзя расслабляться, надо думать, думать, он на работе!

Он лихорадочно стал анализировать происходящее, сделав вид, что терапевтически молчит, давая ей пространство. «Главная проблема: она считает, что я прав, но я вовсе не ожидал такого поворота! Она как будто перескочила через несколько ступенек и пришла к инсайту, которого не ожидалось от нее в ближайшие пару лет. И даже не могу сказать: „О, какую удачную интервенцию я провел!“ — я же понятия не имею, что делаю! И что немаловажно — что делать дальше?»

Сельма тем временем заметила, что он не отвечает, помолчала еще немного и привычно переключилась на рассказ о своей прошлой неделе. Виктор расслабился и выдохнул: «Хорошо, займемся этим после...» И только тихий голос внутри говорил: «Ты

ВИКТОР ГРАНТ

мог ей помочь. Ей сейчас нужно твое присутствие, чтобы ты был с ней, и все. Но ты не смог, ты струсил».

Сеанс завершился дежурно. Пристально следивший за часами Виктор ровно на пятидесятой минуте объявил: «Нам нужно остановиться, Сельма», оборвав клиентку на полуслове. Она, как делала всегда, тоже посмотрела на часы, будто говоря: «Не может быть!», покорно кивнула, выбросила салфетки, которые все это время крутила в руках, достала из сумочки гононар Виктора и... почти швырнула на стол. Жест не очень вязался с ее будничным рассказом в последние двадцать минут. Виктор внутренне отвесил себе оплеуху: «Вот они, ее эмоции, ты их заткнул, а они остались. Пси-хо-те-ра-певт...» Но вида не подал, попрощался и закрыл за ней дверь.

Оставшись один, он тяжело опустился в кресло, сделал несколько глубоких вдохов. Он чувствовал себя уставшим, пустым и совершенно бесполезным.

Больше клиентов сегодня не было, но Виктор продолжал сидеть в кресле, обдумывая. «Ну допустим, никто не безупречен, бывают промашки... Только, Вик, у тебя ведь в последнее время сплошные промашки. Ты не помогаешь своим клиентам. Тебе на них плевать, ты их уже видеть не можешь, и это — правда. Дальше отрицать бессмысленно».

Он встал и прошелся по кабинету, пиная перед собой небольшой мягкий пуфик, на который обычно клал ноги. «Даже бог с ними, с клиентами, но посмотри на себя! Ты устал, ты несчастен, да ты же несчаст-

нее этой Сельмы, в десять раз несчастнее. Она сейчас придет домой, зароеется в любимый сериал и с удовольствием будет смотреть его до конца дня. Потом ляжет в постель и уснет. Перед сном она будет думать о том, что же ей делать. Она только что продвинулась в своей жизни, у нее многое впереди. Сама продвинулась, без твоей бесценной помощи. А ты двигаешься назад, тебе ничего не интересно, а засыпать будешь до трех часов ночи. Завтра будешь проклинать будильник, работу, клиентов, но пойдешь работать, зная, что ты не психотерапевт, а чучело. Ну и кого ты так сегодня жалел?»

Он грустно покивал своим мыслям: да, жалкий тип. Ну и что же делать?

Конечно, никто ничего делать не стал. Виктор все так же ходил на работу, говорил с клиентами, обедал в опостылевшей забегаловке поблизости, где продавалось одно и то же. Эта пекарня гордилась своей выпечкой, которую Виктор терпеть не мог. Все эти сырные булочки, творожные рожки, посыпанные сахаром пряники, эти чертовы безвкусные ветреники, чтоб их... Но это было единственное заведение поблизости, и, слава богу, там были сэндвичи!

В среду, как обычно, он пошел к своему психотерапевту. Вид двухэтажного дома Ирины подействовал на него успокаивающе. В этом месте он чувствовал

себя наконец самим собой, ему не было смысла что-то скрывать от Ирины, которая видела его насквозь, и они с удовольствием проводили положенный час, препарирруя психику Виктора.

Ирина была для него идеальным терапевтом: точно такая же меткая, стремительная, безразличная к чужой боли, она легко выхватывала из его речи все, что демонстрировало слабость, конфликт, неуверенность, и предъявляла ему на блюде подобно тому, как герои прошлого приносили сердца и головы врагов. Виктор ее обожал за это. Правда, в последнее время она стала как будто сдавать — в ней появилась какая-то задумчивость и — о ужас! — нежность.

— Кажется, вам наконец-то удалось себя действительно довести. Как далеко еще вы планируете продвинуться? — вопрос Ирины был насмешливым, однако само его содержание было скорее сострадательным.

Виктор закатил глаза: опять она за свое. Да что ж такое-то...

— Ирина, вы знаете мою историю. Я бы и рад, да...

— «Я бы и рад, да не могу... Я просто хочу увидеть, как моя мама оплакивает мое бездыханное тело», да? — передразнила Ирина голосом ехидной старшеклассницы. — Хорошо, Виктор, я готова вас сопровождать даже туда, если вам действительно этого хочется.

Потолок, на который он смотрел, лежа на ее кушетке, стал подозрительно затуманиваться. Слезы,

прекрасно. Вот что она такое сейчас сказала, как она это делает?

— Не хочется мне этого! Что прикажете мне делать? Бросить практику, уехать в горы, доить там горных козлов?

— Интересная оговорка, Виктор. По Фрейдю. Что-то о мастурбации?

Виктор захихикал: в точку! Самоудовлетворение как стиль жизни — лучше и не скажешь. Как всегда, точна и безупречна. Чертовы козлы...

— Ну хорошо, хорошо. Да, никакой продуктивности, никакого творчества в моей жизни не осталось, сплошная механика и попытки получить хоть какое-то удовлетворение, я все понимаю, но...

— Но вы боитесь, — закончила за него Ирина.

— Да, я боюсь.

— Что клиенты разбегутся? Или чего? — Ирина явно его провоцировала.

— Если бы они разбежались! — почти мечтательно сказал Виктор. — Но... разве я могу просто взять и уйти в отпуск? Ведь это же не вопрос пары недель, мне нужно несколько месяцев, я это прекрасно понимаю. И то не факт, что поможет.

— О, вы беспокоитесь о своих клиентах? Или о профессионализме? Виктор, меня вы обмануть можете — себя-то зачем пытаетесь?

Эта интервенция была даже для нее слишком прямой, но, увы, в точку. Он закрыл глаза и представил, как будет жить где-то, где нет его работы. Что он